

УДК 903.2: 930.26 (571.5)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ «ШЕЛОМ БУЛАТНОЙ» КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. ИЗ ЧИСЛА ДАРОВ ЭРДЭНИ ДАЙ МЭРГЭН НАНСО¹

© 2017 Л.А. Бобров, В.П. Зайцев, С.П. Орленко

В работе рассмотрен железный шлем, хранящийся в фондах Музеев Московского Кремля (инв. № ОР–2058). Установлено, что он происходит из числа подарков, отправленных хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо русскому царю Михаилу Федоровичу Романову 14 января 1635 г. Не позднее 29 ноября 1636 г. шлем поступил в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату.

В комплект с наголовьем входила трехчастная пластинчато-нашивная бармица, крытая цветным бархатом и шелком, матерчатый подшлемник, а также желтые атласные подбородочные ленты (все элементы органического происхождения были утрачены в первой половине XVIII в.).

Подвершие и козырек шлема покрыты надписями на санскрите, которые, как было установлено, представляют собой мантру Львиноголовой дакини (Симхамукхи). Мантра должна была защитить носителя шлема от магического воздействия и оружия противника. Технологическая экспертиза показала, что знаки на подвершии были позолочены, а на козырьке покрыты серебрением.

Первоначально наголовье было атрибутировано сотрудниками Оружейной палаты как «шапка манджурская». На основании типологического анализа установлено, что шлем изготовлен центральноазиатскими (монгольскими или ойратскими) мастерами в конце XVI — первой трети XVII в.

Рассматриваемый шлем может выступать эталонным образцом при датировке и атрибуции боевых и парадных наголовий кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени из числа случайных находок и старых оружейных коллекций.

Ключевые слова: Оружейная палата Московского Кремля, монголы, хотогойты, ойраты, защитное вооружение, шлемы, мантра.

Актуальным направлением современных исторических, археологических и оружейно-еведческих исследований является изучение военно-культурного наследия кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. Особый интерес ученых вызывает вооружение, тактика и военная стратегия ойратов (джунгар, волжских и чакарских калмыков, хошоутов Кукунора) завоевательные походы которых оказали значительное влияние на судьбы многих народов Евразии. Специальные исследования показали, что военное дело номадов на протяжении указанного исторического периода не деградировало, а, напротив, активно развивалось, приспособившись к новым военно-политическим условиям эпохи «пороховой революции». При этом монголо- и тюркоязычные кочевники XVI–XIX вв. не только осваивали новые для них виды вооружения (ружья, пушки), но и настойчиво совершенствовали традиционное оружие дистанционного и ближнего боя, а также защитный панцирный комплекс (Бобров, 2003, с. 79–88; Бобров,

Худяков, 2008, 75–681; Бобров, 2011; Бобров, Анисимова, 2013).

Характерной особенностью источниковой базы по доспеху кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени является тот факт, что большинство предметов защитного вооружения происходят не из закрытых археологических памятников, а из числа случайных находок, старых arsenалов, частных собраний и так далее (Бобров, Худяков, 2003, с. 138–155; Бобров, 2011, с. 15). Отказ от традиционного погребального обряда, при котором в могилу вместе с умершим помещались принадлежавшие ему предметы вооружения, был связан с распространением среди кочевников религиозных верований, прямо или косвенно запрещавших перенос в погребение предметов материальной культуры, не связанных непосредственно с соответствующим религиозным культом (Бобров, Худяков, 2008, с. 44, 45). Это в известной степени затрудняет датировку и атрибуцию панцирей, шлемов, наручей, щитов монгольских и тюркских номадов

¹ (Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности, проект № 1.4539.2017/8.9)

XVI–XIX вв. В связи с этим особую ценность представляют предметы защитного вооружения, место и время изготовления которых может быть достоверно определено на основании материалов письменных источников и типологического анализа. Данные предметы служат своеобразным эталоном при датировке и атрибуции панцирных элементов из числа случайных находок и старых оружейных коллекций. Публикация таких, ранее не известных широкому кругу специалистов и любителей военной истории профильных вещественных материалов, позволяет уточнить многие вопросы, связанные с особенностями эволюции военного дела кочевников XVI–XIX вв. Особый интерес вызывают предметы вооружения центральноазиатских народов Великой Степи, хранящиеся в музейных и частных собраниях Российской Федерации и до сегодняшнего времени не введенные в научный оборот.

В фондах Музеев Московского Кремля хранится богато украшенный железный шлем (инв. № ОР–2058), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и военных историков. Он долгое время не привлекал к себе должного внимания российских и советских ученых. Единственное изображение наголовья (в трех проекциях) было выполнено в первой половине XIX в. академиком исторической живописи Ф.Г. Солнцевым (рис. 1) для издания «Древности Российского государства» (Древности..., 1853, [Альбом], рис. 26). Кроме того, черно-белая фотография шлема в анфас, отпечатанная методом фототипии, была включена в альбом рисунков к «Описи Московской Оружейной палаты», вышедшем в 1884 г. (Рисунки к Описи..., [1884], табл. 342, изобр. слева). Целью настоящей статьи является введение шлема в научный оборот, описание его конструкции и системы оформления, а также датировка и атрибуция.

Обстоятельства и время поступления шлема в Оружейную палату Московского Кремля

Установить условия и время поступления наголовья в царскую казну представляется возможным на основании анализа русской служебной документации первой половины XVII в.

Первое упоминание об интересующем нас шлеме мы находим в статейном списке посольства томского сына боярского Я.Е. Тухачевского к хотогойтскому хунтайджи Омбо-Эрдэни (3 июня 1634 г. — 12 мая 1635

г.) (Русско-монгольские отношения..., 1959, с. 203–214).

Держава хотогойтов была основана в конце XVI в. известным монгольским военачальником Шолой-Убаши (1567–1627), принявшим титул «хунтайджи».² В период расцвета своего государства хотогойтские правители контролировали северо-западную Монголию, а также значительную часть Южной Сибири, вели продолжительные (часто успешные) войны со своими ойратскими и халхаскими соседями. Шолой-Убаши-хунтайджи стал первым монгольским правителем, с которым русское правительство установило прямые дипломатические контакты (1616 г.). Отмечая военно-политическое могущество хотогойтского владыки, русские дипломаты (вслед за ойратами и енисейскими кыргызами) стали именовать Шолой-Убаши-хунтайджи и его потомков почетным титулом Алтын-хан (монг. *altan qayan*), то есть «Золотой хан» (Шастина, 1949, с. 385).

В начале XVII в. российские посланники регулярно посещали государство Алтын-ханов. В 1616 г. в ставку хунтайджи приезжал Василий Тюменец, в 1631 г. Казый Карякин, в 1634–1635 гг. — Яков Тухачевский, Дружина Агарков и Лука Васильев, в 1636–1637 гг. — Степан Греченин и Бажен Карташев (Карташов), в 1638 г. — Василий Старков и Степан Неверов. В ходе переговоров обсуждались вопросы политического, экономического и военного сотрудничества Русского государства и державы хотогойтов. При этом цели договаривающихся сторон различались весьма существенно. Московское правительство рассчитывало на то, что Алтын-ханы примут российское подданство и принесут соответствующую «шерть» (клятву). Хотогойтские хунтайджи, в свою очередь, воспринимали русских лишь как военных союзников, которых можно было использовать в борьбе со своими политическими противниками в Центральной Азии. Недопонимание и взаимные претензии привели к тому, что переговоры в 1638 г. зашли в тупик и были прерваны на целых девятнадцать лет (там же, с. 384–387).

Важным элементом дипломатического этикета XVII в. был обмен дарами, в состав которых нередко включались предметы вооружения. Очередная партия таких подар-

² Монг. *qung tayiji*, *quwang tayizi* от кит. *хуан тайцзы* 皇太子 букв. «августейший наследный принц (старший сын императора; наследник императорского престола)». Наиболее точный смысловой перевод на русский язык — великий князь.

ков (которые московские дипломаты традиционно определяли как «дань») была передана российским посланникам 14 января 1635 г.³ В этот раз хотогойтский хунтайджи Омбо-Эрдэни (сын Шолой-Убаши-хунтайджи) и его духовный наставник лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо передали царю Михаилу Федоровичу Романову большую партию защитного вооружения, в состав которой был включен и интересующий нас шлем: «Генваря в 14 день Алтын-царь отпустил Якова и Дружину и сына боярсково и служивых людей. И дань с себя Алтын-царь государю царю и великому князю Михаилу Федоровичи всеа Русии дал куяк меденой с нагрудником серебряным в серебре, камень яшма, да барс, да двисти соболей, да 10 бобров... Да отец духовной царя Алтына Таи Мерген-ланзу послал дани с себя государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии куяк и шапку железную, набиван на бархате надцветном на зеленом [здесь и далее курсив наш. — Авт.], да наручи куяшные, да ирбиз, да 100 соболей» (Русско-монгольские отношения..., 1959, с. 213). В другом сообщении из описи оружейной казны царя Михаила Федоровича (1642–1643) уточняется: «Шелом булатной с наводом слова арапские. Прислан ис Тунгуские земли с куяком что по цветному бархату. Цена 5 р. А по осмотру на том шеломе верх подвершие слова арпские посеребренные позолочены. Городок и над верьем по железу опаивано серебром. А на полке слова арапские ж серебряные белые. Уши и затылок набиты железом по бархату цветному»⁴. Наряду с наручами в комплект со шлемом входил пластинчатонашивной доспех — «куяк с рукавы, у нево ж пять щитов с пугвицы на петлех. Куяк и щиты прикрыты бархатом плохим цветным, травы розных цветов. Прислал к государю дани лаба во 144 [1636] году. Цена по тридцать рублей куяк» (Опись..., 2014, с. 104–105; Древности..., 1853, с. 30).

Дальнейшую судьбу шлема можно проследить по приходно-расходной книге Казенного приказа. В записи от 2 ноября 149 [1640] г. указано, что в этот день в числе прочих предметов с казенного двора в Оружейный

приказ для хранения был передан: «Шелом булатный, на шелому надо лбом слова мусульманские серебряные, Государю прислал тот шелом дани Тунгуские земли Лоба Ирденей даин-Мен Герланзу во 144 [1636] году в 29 день ноября, цена пять рублей» (Опись..., 1884, с. 35).

Таким образом, анализ дипломатической документации по истории русско-монгольских отношений первой половины XVII в. позволяет достоверно определить обстоятельства и время отправки шлема в Россию, а также дату его поступления в царскую казну. Так, в частности, можно считать установленным, что шлем был отправлен в качестве дипломатического подарка царю Михаилу Федоровичу влиятельным хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо 14 января 1635 г. Почти два года спустя (29 ноября 1636 г.) он поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

Первое подробное описание конструкции и системы оформления шлема было выполнено авторами описи казны царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича: «Шелом наверху напереди резаны слова, зад и стороны доски [то есть пластины назатыльника и наушников бармицы. — Авт.] покрыты бархатом цветным, травы шолк червчат, да зелен, да жолт, цена пять рублей. Прислал Государю дани Лаба в 144 [1636] году» (там же; Опись..., 2014, с. 105; Древности..., 1853, с. 29). В описи Оружейной палаты 1643 г. шлем был записан под № 5. В описи 1687 г. он был отнесен к «Шапкам Немецким и Калмыцким», где указан под № 3: «Шапка железная Колмыцкая гладкая, здолы, наверху трубочка, прислана воружейной приказ сказенного двора, цена двадцать пять алтын, завяски отлас жолтый... А по нонешней переписи 195 [1687] году и по осмотру та шапка против прежних переписных книг сошлась; уши и затылок куяшные покрыты бархатом цветным, поверх шапки подтрубкою и на полки слова калмыцкие. А по нынешней оценке полтора рубли» (Опись..., 1884, с. 35; Древности..., 1853, с. 29, 30).

Материалы описей 1701 и 1711 гг. свидетельствуют, что в этот период шлем еще имел бармицу, однако уже в документах 1727 г. было указано, что подкладка шлема и наушники оказались утеряны: «...есть ветха, а у шапки подкладки нет, а по нынешнему осмотру нет ушей» (Опись..., 1884, с.

³ Все даты русских источников приводятся в статье по юлианскому календарю (старый стиль) до 31 января 1918 г. (включительно), после 31 января 1918 г. — по григорианскому (новый стиль). Таким образом, за 31 января 1918 г. (старого стиля) будет следовать 14 февраля 1918 г. (нового).

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3226. Роспись знаменам и оружию царя Михаила Федоровича 151 г. Л. 2.

35). Наибольшие повреждения шлем получил в ходе пожара 1737 г. В описи 1746 г., в которой шлем числится в категории «Шапок Ерихонских» под № 15 есть пометка — «погорела» (там же). Вероятно, именно в результате пожара наголовье окончательно утратило пластинчато-нашивную бармицу и другие элементы органического происхождения. В 1810 г. шлем, в числе прочих предметов, был взят президентом Императорской Академии художеств, действительным тайным советником и известным исследователем старины А.Н. Олениным для «рассмотрения [и] истолкования» (Файбисович, 2006, с. 273–274)⁵. В музейное собрание он был возвращен только 18 июня 1843 г. (Опись..., 1884, с. 36).

Л.П. Яковлев — составитель опубликованной в 1884 г. книги «Броня» многотомной «Описи Московской Оружейной палаты» систематизировал документы прошлых лет и предложил свою атрибуцию данного наголовья. Он определил шлем как «Шапку манджурскую» и дал краткое описание ее конструкции: «Булатная досчатая, над лбом выпуклая серебряная слова; полка коробчатая; на верху трубочка железная, точеная» (там же, с. 35). В настоящее время представляется возможным уточнить атрибуцию данного наголовья.

Описание конструкции и системы оформления шлема

По материалу изготовления рассматриваемый шлем относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепанных, по форме купола к типу цилиндроконических (рис. 2). Общая высота наголовья — 22,3 см, диаметр — 20,5 см (лобно-затылочный) и 20,8 см (височный) соответственно. Вес шлема — 1,2 кг.

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты широкими железными накладками с вырезным краем и рельефной лицевой поверхностью. Каждая накладка (ширина накладок: 1,8–7,5 см) снабжена двумя парами симметричных остроугольных зубцов, рядом с кото-

рыми вбиты заклепки, соединяющие накладки с пластинами тульи. Ярко выраженное горизонтальное ребро жесткости пересекает купол шлема и придает наголовью характерный цилиндроконический силуэт (рис. 2). Верхняя часть пластин тульи и накладок покрыты слабовыраженным рельефным узором, выполненным в технике чеканки по металлу. Узор (ширина — около 8 см) представляет собой ряд повторяющихся Y-образных символов (рис. 2). Л.П. Яковлев, сотрудник Оружейной палаты в XIX в., называл подобный орнамент «путиками, соединенными между собою городками» (Опись..., 1884, № 4421, с. 37). В современной оружейно-литературе подобный узор именуется «двупалым лапчатым орнаментом» (Бобров, Худяков, 2008, с. 437).

Дополнительным фиксатором пластин тульи является обруч, представляющий собой железную ленту с ровным краем (ширина — 3,5 см), концы которой были соединены на затылке наголовья (рис. 2: 1). Вдоль верхнего края обруча вбиты восемь заклепок с полусферическими шляпками (диаметр — 0,35 см), соединяющими обруч с пластинами тульи и накладками. Вдоль нижнего края обруча пробиты 12 сквозных отверстий для крепления бармицы.

К лицевой части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пятиугольной «полки» (длина — 14,5 см) и вертикального «щитка» (ширина: 1–1,7 см) (рис. 2: 1–3; 3). Козырек крепится к тулье с помощью трех заклепок, вбитых в крепежную пластину на внутренней стороне купола шлема. Края «полки» и «щитка» снабжены выпуклым бортиком. Поверхность козырька покрыта рельефными надписями на санскрите (см. ниже). Надпись выполнена в технике так называемой обронной резьбы, когда выпуклость элементов достигается за счет выборки (выемки резцом) фонового металла. Изначально знаки были посеребрены, однако позднее серебрение было в основном утрачено. Возможно, это произошло при пожаре 1737 г.

Венчает шлем навершие, состоящее из пластины-основания (подвершия) и трубки-втулки для плюмажа (рис. 4). Подвершие имеет форму короткого цилиндрического наперстка с выпуклым бортиком по нижнему краю (высота — 2,2 см, диаметр: 4,3–5,1 см). Боковые стороны подвершия покрыты рельефными позолоченными надписями на санскрите. Верхняя часть подвершия украшена изображениями восьми выпуклых, покры-

⁵ По данным Л.П. Яковлева шлем был взят А.Н. Олениным «для соображений» в 1812 г. (Опись..., 1884, № 4418, с. 36). Вероятно, следуя этому сообщению, этот же год, но для другого шлема, определенно взятого Олениным в 1810 г. (Бобров, Зайцев, Орленко, Сальников, 2017, с. 1143; Опись..., 1884, № 4407, с. 19), приводит и И.А. Комаров (Государева Оружейная палата, 2002, с. 304). В настоящее время нам известны только документы, подтверждающие взятие А.Н. Олениным принадлежащих Оружейной палате вещей (рогатины с серебряною оправою и трех шишаков) в 1810 г.

тых позолотой лепестков в форме трилистника, символизирующих восьмилепестковый лотос (рис. 1; 4). Между ними вбиты заклепки, фиксирующие навершие с пластинами тульи.

Использование в декоре шлема золочения и серебрения было подтверждено экспертом по драгоценным металлам и камням Музеев Московского Кремля Н.В. Парменов. Экспертиза проводилась на рентгенофлуоресцентном энергодисперсионном анализаторе «Призма М (Au)». Следует отметить, что для нанесения на знаки надписи и декоративные элементы на подвешии использовалось золото невысокой пробы с большим содержанием серебра. Так, в частности, процентная концентрация золота на подвешии составляет — 53,46 %, серебра — 27,99 %. Процентная концентрация серебра на козырьке — 78,9 %⁶.

Втулка для плюмажа представляет собой полу трубку (высота — 7,3 см, диаметр — 1,2 см) с тремя гранеными шайбовидными насадками, помещенными соответственно в нижней, центральной и верхней части втулки. Диаметр насадок — 1,7 см, высота — 2, 1,7 и 1,8 см соответственно. Насадки сужаются в центральной части, их поверхность покрыта пятью вертикальными гранями (рис. 4).

Значительный интерес представляют надписи на санскрите, помещенные на поверхности козырька и подвешии шлема (рис. 3; 4). Так, в частности, было установлено, что все три надписи (одна на подвешии, две на козырьке) выполнены письмом ланьча (ранджана)⁷. Каждая надпись состоит из 17 знаков и читается слева направо. Надпись на вертикальном «щитке» козырька разделена на четыре части по 3, 6, 5 и 3 знака соответственно. Графика знаков (стиль письма) на подвешии незначительно отличается от графики знаков на козырьке. Все три надписи практически идентичны и передают один и тот же текст, однако в надписях, помещенных

⁶ Авторы выражают глубокую благодарность эксперту по драгоценным металлам и камням Музеев Московского Кремля Н.В. Парменовой.

⁷ Письмо ранджана (*rañjanā*), известное в Тибете под именем ланьча, ланца, ланца и др. (тиб. *lanu+tsha*, *lanu+dza*, *lan tsha*, *lan dza* и др.; здесь и далее тибетский текст приводится в транслитерации по системе Т. Уайли, текст на санскрите — по IAST), используется для записи санскритских, тибетских и неварских текстов на территории от Непала до Тибета (памятники письменности известны примерно с XI в.). Употребляется также для орнаментально-декоративных целей.

на козырьке, содержится ошибка, отличающая их от надписи на подвешии (см. ниже).

Транслитерация текста на подвешии: // *a ka sa ma ra ca śa ta ra sa ma ra ya pha da* : (рис. 5). В надписях на козырьке вместо первого слога *a* ошибочно появляется слог *o*, а именно: // *o ka sa ma ra ca śa ta ra sa ma ra ya pha da* :.

Орфография надписей на шлеме позволяет предположить, что их источником послужил текст, выполненный изначально тибетским письмом, то есть текст был «переведен» (переписан письмом ланьча) с тибетской записи мантры: *a ka sa ma ra tsa sha da ra sa ma ra ya phaT* :. На это указывают следующие обстоятельства: 1) восьмой слог *da* ошибочно записан как *ta* (тибетские буквы *da* и *ta* можно перепутать); 2) четырнадцатый слог *phaṭ* ошибочно записан как *pha da*, то есть вместо графемы *ṭa* написана графема *da* (тибетские буквы *Ta* и *Da*, служащие для передачи санскритских *ṭa* и *ḍa*, можно перепутать), а кроме этого при ней отсутствует подстрочный диакритический знак *вирама*, указывающий на отсутствие гласного звука (этот знак не требуется при записи санскритского слога *phaṭ* тибетским письмом — *phaT*, но необходим при его записи письмом ланьча).

Таким образом, без ошибок текст мантры на шлеме должен был выглядеть так: // *a ka sa ma ra ca śa da ra sa ma ra ya phaṭ* :.

Кроме этого, можно отметить некоторое искажение форм графем в сравнении с известными нам памятниками письменности. Таковое, например, наблюдается в графемах, передающих слоги *a*, *śa* и *ma*. В написании последней, видимо, даже допущена ошибка.

Отдельного комментария заслуживает последний знак текста, обозначенный нами в транслитерации символом «:». Обычно этот знак, называемый *висарга* (*ḥ*), используется для передачи придыхания, однако в данном случае он, безусловно, выполняет пунктуационную роль и маркирует окончание текста, то есть выступает здесь вместо знака *данда*, сближаясь по своей функции с тибетским знаком *gter tshag* (заметим, что вместо последнего в тибетских текстах так же нередко пишется знак придыхания *rnam bcad* и наоборот). Очевидно, что если принять рассматриваемый знак за обозначение придыхания, то получится слог *phaṭḥ* (или в ошибочной орфографии *pha ḍaḥ*), что не несет никакого смысла.

Рассматриваемый текст представляет собой мантру Львиноголовой или Львиноли-

кой дакини (Симхамукхи)⁸, известной в тибетской тантрической традиции как «гневная отвращающая четырнадцатислоговая мантра» (тиб. *sngags drag zlog yi ge bcu bzhi pa*)⁹. Мантра выполняет защитную функцию и применяется для отвращения убийства (тиб. *bsad zlog*) и отвращения врагов (тиб. *dgra zlog*). Согласно традиции, даже простое ношение мантры на теле оказывает защитное действие: «одного [того, что] эта мантра есть на теле, достаточно» (тиб. *sngags 'di lus la yod pa gcig pus chog pa yin*)¹⁰. В число магических действий (тиб. *las tshogs*), осуществляемых при помощи практик, связанных с Львиноголовой дакини, и включающих в себя использование данной мантры, входят отвращение или отражение (тиб. *zlog pa*) враждебного магического влияния, убийство (тиб. *gsod pa/bsad pa*) врага, магическая защита (тиб. *srung ba*) и защита от оружия (тиб. *mtshon srung ba*). Несмотря на подобные характеристики, данная мантра, по-видимому, крайне редко размещалась на поверхности боевых наголовий народов Центральной и Восточной Азии. В настоящее время шлем из собрания Оружейной палаты Московского Кремля является единственным известным нам образцом подобного рода.

Элементы шлема органического происхождения были утеряны еще в первой половине XVIII в. (см. выше), однако, благодаря описям 1640, 1687, 1727 гг. представляется возможным уточнить некоторые особенности их покроя и системы оформления. Так, в частности, известно, что первоначально шлем был снабжен бармицей, состоявшей из трех элементов — пары наушников («стороны», «уши») и назатыльника («зад», «затылок»). Бармица имела пластинчато-нашивную («куяшную») структуру бронирования. Железные пластины («доски») приклепывались к внутренней стороне органической основы таким образом, что постороннему зрителю были видны лишь головки заклепок. С внешней стороны бармица была покрыта специальным чехлом, изготовленным из шелка и парчи зеленого, желтого и красного цвета. Дополнительным украшением чехла являлся вышитый растительный орнамент, который авторы описи казны царя Михаила

⁸ Санскр. *Dākinī Siṃhamukhā* или *Siṃhavaktrā*; тиб. *Mkha' 'gro ma seng ge'i gdong can*, *Seng gdong ma*, *Seng ge'i gdong ma*, *Seng ge'i gdong pa can*, *Seng ge gdong ma*, *Seng gdong can* и др.

⁹ *zab gsang seng gdong snyan brgyud...*, 1976, с. 287 (f. 3a).

¹⁰ Там же, с. 289 (f. 4a).

Федоровича и царевича Алексея Михайловича именовали «травами». К внутренней стороне купола крепился матерчатый подшлемник («подкладка»). Шлем дополнительно фиксировался на голове с помощью специальных «завясок» выполненных из желтого атласа, которые, в боевом положении затягивались под подбородком воина (Опись..., 1884, с. 35).

Атрибуция и датировка

Железные клепаные шлемы, составленные из четырех пластин-секторов и четырех широких накладок с двумя парами остроугольных зубцов, являются характерной разновидностью боевых наголовий воинов Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Худяков, 2008, с. 425, рис. 153; с. 434, рис. 165, 1; с. 434, рис. 167, 1–3; с. 439, рис. 171; Бобров, Мясников, 2009, с. 236, рис. 1; с. 237, рис. 2; с. 238, рис. 3; с. 240, рис. 4; LaRocca, 2006, p. 69, 87). В тоже время необходимо отметить, что подавляющее большинство монгольских, ойратских, тибетских, бутанских и бурятских шлемов данной серии имеют сфероконическую или полусферическую форму. Клепаные цилиндрические наголовья, в целом, не характерны для комплекса защитного вооружения кочевников региона. Зато они типичны для маньчжурской (и шире — хоу-цзиньской, цинской) паноплии XVII–XIX вв. Вероятно именно этот факт позволил Л.П. Яковлеву в начале 60-х годов XIX в. определить изучаемый шлем как «шапку манджурскую» (Опись..., 1884, с. 35).

Подобная атрибуция представляется нам ошибочной. За исключением силуэта тульи, шлем из Музеев Московского Кремля имеет мало общего с унифицированными маньчжурскими цилиндрическими шлемами *чжоу* (胄). Тулья последних традиционно клепалась не из 4–8 железных секторов, а лишь из двух больших изогнутых пластин снабженных горизонтальным ребром жесткости (Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 11–13, 15, 16, 18). Цинские накладки-*лян* (梁), прикрывающие стыки пластин тульи, были выпуклыми, имели зауженные пропорции и ровный, а не зубчатый край (там же). В тех редких случаях, когда накладки снабжались зубцами, последние имели форму трехлепесткового бутона (там же, табл. 16, рис. 11). Практически обязательным элементом маньчжурских *чжоу* была массивная налобная пластина *хуэ* (護額) с надбровными вырезами, которая отсутствует на рассматриваемом шлеме.

Широкий железный обруч, склепанный на затылке, типичен для монгольских, ойратских и южносибирских наголовий XVI–XVIII вв., в то время как на цинских шлемах он встречается крайне редко (Бобров, Худяков, 2008, с. 425, рис. 153; с. 427, рис. 155; с. 428, рис. 156, 157; с. 429, рис. 158, 159; с. 430, рис. 160; с. 431, рис. 162; с. 435, рис. 168; с. 436, рис. 169; с. 438, рис. 170; с. 440, рис. 173; с. 441, рис. 174; с. 443, рис. 175; с. 444, рис. 176; с. 445, рис. 177).

Если к маньчжурским шлемам пластинчато-нашивная бармица крепилась с помощью больших массивных заклепок с полусферическими шляпками (которые сохраняются на большинстве наголовий даже после утери самой бармицы), то в представленном случае отверстия на обруче пусты. Это позволяет предположить, что бармица крепилась не к заклепкам, а к кожаному ремешку, протянутому сквозь отверстия обруча. Подобная система подвеса бармицы достаточно часто фиксируется на монгольских, ойратских, южносибирских, тибетских и бутанских наголовьях XVI–XIX вв. (там же, с. 420; с. 440, рис. 173; с. 441, 449; с. 460, рис. 190, 2, 3; с. 467).

«Коробчатые» козырьки, состоящие из горизонтальной пятиугольной «полки» и вертикального «щитка», являются классической разновидностью защиты лица на центральноазиатских и восточноазиатских шлемах XV–XIX вв. (там же, с. 418, 421, 426, 432; с. 432, рис. 167; с. 440, рис. 173; с. 441, 443, 444, 446, 447, 450–452). Уникальность рассматриваемого образца заключается в особенностях его декоративного оформления. В настоящее время нам известно о пятидесяти девяти ойратских, монгольских и цинских шлемах, украшенных буддийской символикой. На сорока пяти из них фиксируются надписи религиозного содержания. Однако во всех известных случаях надписи нанесены на тулью или (в редких случаях) на обруч наголовья. Шлем из Музеев Московского Кремля — единственный образец серии, на котором надписи покрывают «полку» и «щиток» козырька. Значительным своеобразием отличается также и техника, в которой нанесены рассматриваемые надписи.

Подвершие шлема из Музеев Московского Кремля, выполненное в виде короткого цилиндрического наперстка с выпуклым бортиком по нижнему краю, не имеет точных аналогов среди известных нам наголовий Центральной и континентальной Восточной Азии. По своей конструкции и силуэту оно

занимает промежуточное положение между почти плоскими подвершиями ойратских сфероцилиндрических шлемов и их минскими, цинскими и корейскими аналогами, изготовленными в виде высокого суженого по центру цилиндра (Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 12, 13, 15, 16, 18, 19; Бобров, Худяков, 2008, с. 440, рис. 173; с. 441, рис. 174; с. 444, рис. 176; LaRocca, 2006, p. 65, 86). Ближе всех к рассматриваемому экземпляру приближаются наперстковидные подвершия центральноазиатских (предположительно ойратских) шлемов, происходящие с территории Поволжья, Казахстана и Монголии. В том числе, сфероцилиндрический шлем № 1233 из собрания Государственного Эрмитажа и др. (Бобров, Худяков, 2008, с. 432, рис. 163). Однако и их силуэт, и декоративное оформление существенно отличаются от подвершия шлема из Музеев Московского Кремля.

Трубка-втулка наголовья, снабженная тремя гранеными насадками, относится к числу редких разновидностей центральноазиатских плюмажных втулок XV–XVIII вв. Она встречается на некоторых монгольских и ойратских шлемах данного периода (LaRocca, 2006, p. 73; Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 444).

Характерный чеканный узор, напоминающий следы двупалых птичьих лап (рис. 6), совершенно не типичен для маньчжурских наголовий, зато периодически фиксируется на ойратских шлемах XVII в. (Бобров, Худяков, 2008, с. 429, 438; LaRocca, 2006, p. 87). Необходимо подчеркнуть, что декоративное оформление дальневосточных *чжоу* XVII–XIX вв. имеет принципиальные отличия от рассматриваемого наголовья (Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 11–13, 15, 16, 18).

В первой половине XVII в. пластинчато-нашивными бармицами снабжались как центральноазиатские, так и восточноазиатские шлемы. При этом расцветка маньчжурских бармиц была строго унифицирована и регламентирована. Так, в частности, желтыми бармицами дополнялись наголовья панцирников элитных корпусов «Желтого знамени» и «Желтого знамени с каймой». Однако, согласно имперскому регламенту, в комбинации с желтой материей использовалась ткань не зеленого (как на шлеме из Музеев Московского Кремля), а красного (окантовка) и синего или голубого (подкладка) цвета. Что касается ойратских пластинчато-нашивных доспехов, то желто-зеленая гамма, напротив, применялась при их оформлении достаточно

часто. Так, например, в собрании Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранится трехчастная ойратская бармица, крытая зеленой тканью¹¹, в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета — джунгарский панцирный «халат» с желтым матерчатым покрытием и зеленой окантовкой и так далее (Бобров, Худяков, 2008, с. 448, 449, 466–468; Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Ожередов, 2010). Таким образом, цветовое решение бармицы рассматриваемого шлема также сближает его с наголовьями монгольско-кочевников Евразии рассматриваемого периода.

Сочетание центральноазиатских технологий, конструктивных и оформительских решений с тульей цилиндрической формы позволяет предположить, что мастер изготовивший этот шлем, работал в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции, но был знаком с изделиями маньчжурских оружейников. Если кузнец, выковавший наголовье, проживал на территории Монголии, то нижняя граница изготовления шлема может быть локализована концом XVI в. В том случае, если наголовье было выполнено ойратскими мастерами, то наиболее вероятным временем его изготовления следует признать 1610-е — первую половину 1630-х гг. В обоих случаях нижняя граница изготовления шлема, украшенного буддийской символикой, надежно определяется временем распространения тибетского буддизма (ламаизма) среди монголов и ойратов соответственно (Златкин, 1983, с. 98–103).

В связи с вышесказанным, значительный интерес представляет личность дарителя шлема, передавшего наголовье российским посланникам.

Эрдэни Дай мэргэн Нансо входил в число представителей высшей элиты северомонгольской державы Алтын-ханов.¹² Он

¹¹ В настоящее время ойратская бармица подвешена к татарскому цельнокованному полусферическому шлему, снабженному кольчатой защитой лица (Бобров, 2009).

¹² В русских источниках первой половины XVII в. духовный наставник хотогойтского хунтайджи именуется тангутским лабой (то есть тибетским ламой) и упоминается множество раз в различных русских транскрипциях того времени: Ирдней Даин Мергенланзу, Даин Мергенланзу, Таи Мергенланзу и т.п. Во вторичных источниках более позднего периода (XVIII в. и далее) появляются и другие экзотические написания, как то: Лаба Ирдней Даин-мен Герланзу, Лаба Даинмен Герланзу и т.д. Монашеское имя и

являлся наиболее известным и уважаемым представителем ламаистской церкви в государстве хотогойтов и выполнял функции духовного наставника хунтайджи Омбо-Эрдэни и его ближайших родственников. Российские посланники публично именовали ламу такими эпитетами, как «учитель Мугальской земле и отец духовной Алтыну-царю и матери ево Чечен-царице, братье ево», «Алтына-царя отец ево духовной и братье ево и всем мугальским ноянам и табунам Тангутцкой земли» и так далее (Русско-монгольские отношения..., 1959, с. 208–214). Высокопоставленный лама проживал во владениях Алтын-ханов «...из найму, на год емлет по сту баранов, служит ему по их вере, а по-русски вместо попа крестового» (Шастина, 1949, с. 387; Русско-монгольские отношения..., 1974, с. 124).

Наряду с собственно религиозными функциями, Эрдэни Дай мэргэн Нансо активно участвовал в политической жизни государства Алтын-ханов, принимал послов, вел дипломатические переговоры и так далее. Кроме того, лама часто путешествовал по региону. По его собственным словам, он «бывал... в Китайской и в Тангутцкой земли [то есть в Тибете. — Авт.] и в Черных Калмаках [то есть в Ойратии. — Авт.] и в-ыных во многих землях» (Русско-китайские отношения..., 1969, с. 109; Русско-монгольские отношения..., 1974, с. 75). Не меньшее внимание Эрдэни Дай мэргэн Нансо уделял и поездкам по самой Монголии. Не исключено, что во время одного из этих путешествий ламе и был преподнесен интересующий нас шлем. Подобная практика поднесения предметов вооружения духовным лицам была широко распространена среди центральноазиатской знати рассматриваемого исторического периода (Бобров, Худяков, 2008, с. 48).

В середине 1630-х гг. помимо прочих богатств, Эрдэни Дай мэргэн Нансо принадлежал воинский арсенал, включавший элитные предметы вооружения иностранного и местного производства. Так, например, лама владел богато оформленным хоу-цзиньским (поздним чжурчжэньским или ранним маньчжурским) шлемом, который он подарил царю Михаилу Федоровичу в 1637 г. (Бобров, Зайцев, Орленко, Сальников, 2017). Однако, как следует из описаний доспехов, основу оружейной коллекции духовного наставника Алтын-ханов составляли изделия центральноазиатских и, в первую очередь, монголь-

титул ламы восстановлены нами по оригинальным монгольским документам того времени.

ских мастеров (Опись..., 1884, с. 39; Опись..., 2014, с. 104, 105).

В XVII в. в Монголии бурно развивалось собственное доспешное производство. Согласно сообщениям послов Дайши-зайсана, «...железной де руды у них множество, и делают кюяки и пансыри и копыя сами» (Русско-монгольские отношения..., 2000, с. 232). Кроме того, некоторое количество доспехов поступало к хотогойтским монголам в качестве дани от народов Южной Сибири (Бобров, Худяков, 2008, с. 348). Благодаря целенаправленной политике по развитию оружейных производств, Алтын-ханам, а также их халхаским и ойратским соседям удалось сформировать значительные по численности контингенты панцирной («кюяшной») конницы. В русских документах XVII в. упоминаются отряды центральноазиатских кочевников составленные из 400, 2 000, 4 000 «кюяшников» (там же, с. 360, 361). Главной ударной силой армии хотогойтских Алтын-ханов в середине 1630-х гг. были именно такие кавалерийские панцирные подразделения, обученные ведению ближнего боя с применением длиннодревкового и клинкового оружия: «А бой у мугальских алтыновых людей луки, копыя, сабли, а вогненного бою нет. А ездят на бой против недругов своих в збруях, в кюяках, и в шеломах, и в наручах, и в наколенках, а у иных де у лутчих людей и лошади бывают на боех в железных доспесех и в приправах» (Русско-монгольские отношения..., 1959, с. 286; Русско-китайские отношения..., 1969, с. 106).

В данной связи представляется вполне логичным, что Эрдэни Дай мэргэн Нансо, демонстрируя свое богатство и влияние, мог отправить в подарок царю как доспехи иностранного, так и местного производства. Если в 1636 г. в Москву был передан

рассматриваемый шлем центральноазиатского образца, то в 1637 г. туда же отправилось экзотическое для региона наголовье, выкованное дальневосточными оружейниками (Музей Московского Кремля, инв. № ОР-2057)¹³.

Выводы

Комплексный анализ источников позволил уточнить время изготовления и атрибуцию шлема из собрания Музеев Московского Кремля (инв. № ОР-2058). Так, в частности, не получила подтверждение версия Л.П. Яковлева XIX в. о маньчжурском происхождении наголовья. Наиболее вероятно, что шлем был изготовлен монгольскими или ойратскими мастерами в конце XVI — первой трети XVII в. Теоретически, отдельные изменения в конструкцию наголовья и его элементов могли вноситься до середины января 1635 г. Заказчиком шлема являлся знатный центральноазиатский феодал, исповедовавший тибетский буддизм (ламаизм) — отсюда буддийские мантры на подвершии и козырьке наголовья. В середине 1630-х гг. владельцем шлема являлся духовный наставник хотогойтского хунтайджи лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо. На приеме 14 января 1635 г. наголовье было передано российскому посланнику Я.Е. Тухачевскому в качестве подарка для царя Михаила Федоровича Романова. 29 ноября 1636 г. шлем поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

Наличие письменных свидетельств, надежно локализующих время бытования шлема, позволяет использовать данное наголовье в качестве эталонного образца при датировке и атрибуции шлемов кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА¹³

Бобров Л.А. О путях «вестернизации» азиатского доспеха в Позднем Средневековье и в Новое время (XV–XVIII вв.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2003. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. С. 79–88.

Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3: Археология и этнография. С. 251–254.

Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Средней, Центральной [и] континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в.: Автореферат дис. ... доктора исторических наук: Специальность 07.00.06 — археология. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л.А., Анисимова М.А. Центральноазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Вестник Ново-

¹³ Исследование наголовья ОР-2057 см. в работе: Бобров, Зайцев, Орленко, Сальников, 2017.

сибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3: Археология и этнография. С. 196–208.

Бобров Л.А., Зайцев В.П., Орленко С.П., Сальников А.В. Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х — середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Былые годы: Российский исторический журнал = *Bylye Gody: Russian Historical Journal*. 2017. Vol. 46. Is. 4. С. 1140–1173.

Бобров Л.А., Мясников В.Ю. Позднесредневековые шлемы из музейных собраний Республики Бурятия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5: Археология и этнография. С. 235–244.

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста из Центральной Азии. (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Вып. 1. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64. (Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; Т. III).

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных статей. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 66–212.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774, [1] с., [8] с. вкл. (*Historia militaris*).

Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 407, [1] с. (Сто предметов из собрания российских императоров).

Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. III: Броня, оружие, кареты и конская сбруя / Рис. ак. Ф. Солнцевым. М.: В типографии Александра Семена, 1853. [4], III, [1], XXIII, [1], [2], 152 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Издание второе. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 331, [2], [2] с.

Опись Московской Оружейной палаты. Часть третья. Книга вторая: Броня / [Сост. Л.П. Яковлевым]. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. 312, X с.

Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года / Подготовка к публикации текста описи и составление указателей М.Ю. Горькова, С.П. Орленко; Научный консультант Т.С. Борисова. М.: [Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”»], 2014. 191, [1] с.

Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты / Фототипии худож. [М.М.] Панова. [М.]: [б. и.], [1884]. 500 л.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. В 2-х т. Т. 1: 1608–1683 / Составление и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Комментарии и историческое введение В.С. Мясников; Археографическое введение Н.Ф. Демидова; Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Ред. Л.И. Думан. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. 612, [4] с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / Составители: Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред.: И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 352 с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Составители: М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред.: И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 468, [2], [2] с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов / Составитель Г.И. Слесарчук; Отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 488 с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб.: [Изд-во «Российская национальная библиотека»], 2006. 480 с., [32] с. вкл.

Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. [Т.] VI. М.: Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 383–395.

LaRocca D.J. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet / Donald J. LaRocca, with essays by John Clarke, Amy Heller, and Lozang Jamspal. New York: The Metropolitan Museum of Art ; New Haven; London: Yale University Press, 2006. xii, 307 p.

zab gsang seng gdong snyan brgyud kyi lo rgyus sgrub thabs las tshogs dang bcas pa'i man ngag gi yi ge gces btus rin chen bum bzang zhes bya ba bzhugs so. grub chen sang rgyas mgon po nas brgyud pa'i bo dong lugs [Глубинные [и] тайные избранные наставления под названием «Прекрасный сосуд драгоценностей», включающие в себя историю устной передачи [практики дакини] Симхамукхи, садханы [и] магические ритуалы] // rin chen gter mdzod chen mo. A reproduction of the Stod-luñ Mtshur-phu redaction of 'Jam-mgon Koñ-sprul's great work on the unity of the gter-ma traditions of Tibet. With supplemental texts from the Dpal-spuñs redaction and other manuscripts. Vol. 51. Paro, Bhutan: Published by Ngodrup and Sherab Drimay, 1976. [3], 706 p. (цифровая копия из коллекции TBRC, ID ресурса: W20578).

Информация об авторах:

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент Кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия); spsml@mail.ru

Зайцев Вячеслав Петрович, научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); sldr76@gmail.com

Орленко Сергей Павлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля, хранитель коллекций доспеха и артиллерии (г. Москва, Россия); orlenko@krem-lin.museum.ru

CENTRAL ASIAN “BULAT HELM” OF THE END OF THE 16TH — THE FIRST THIRD OF THE 17TH CENTURY FROM AMONG THE GIFTS OF ERDENI DAI MERGEN NANGSO

In this paper the authors analyze a richly decorated iron helmet from the holdings of the Moscow Kremlin Museums (inventory number OR-2058) which has never been closely examined before. The headgear is stated to have been sent as a gift from a Khotogoid lama, Erdeni Dai Mergen Nangso, to Tsar Michael I of Russia, on 14 January 1635. The helmet was deposited in the treasury of the Kazenny Dvor (Treasury Court) no later than 29 November 1636, and transferred to the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin on 2 November 1640.

The headgear used to have a three-part aventail composed of narrow iron plates and decorated with colored velvet and silk, a cloth arming cap, as well as some yellow satin ribbons to be tied under the warrior's chin. All the pieces made from organic materials have been missing since the first half of the 17th century.

Sanskrit inscriptions that make the mantra of Lion-faced *Dākinī* *Siṃhamukhā* are inscribed on the visor and on a patterned onlaid band on the dome of the helmet. They were believed to protect the warrior from hostile charms and weapons. Technological analysis of the helmet indicates that the signs on the band are gold-lined and those on the visor are silver-lined.

The first assessment of the helmet by experts of the Armoury Chamber determined that it was a “Manchurian hat”. On the basis of typological analysis it has been discovered that the headgear was made by some Central Asian (Mongolian or Oirat) masters between the end of the 16th century and the first third of the 17th century.

From the information gathered, it seems that the helmet in question is a perfect example for dating and attributing other battle and ceremonial headgear worn by nomads in Central Asia during the Late Medieval and Early Modern ages, which can be found occasionally or which are held in some old collections of arms.

Keywords: Armoury Chamber, the Mongols, the Khotogoids, the Oirats, protective weapon, helmet, mantra.

Information About the Authors:

Bobrov Leonid Alexandrovich, Doctor of History; Associate Professor at the Department of Archaeology and Ethnography and Senior Researcher at the Humanities Research Laboratory of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); spsml@mail.ru

Zaytsev Viacheslav Petrovich, Researcher at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); sldr76@gmail.com

Orlenko Sergey Pavlovich, Candidate of History; Senior Researcher at the Moscow Kremlin Museums; custodian at the plate armour and artillery collections; the Moscow Kremlin Museums, (Moscow, Russia); orlenko@kremlin.museum.ru

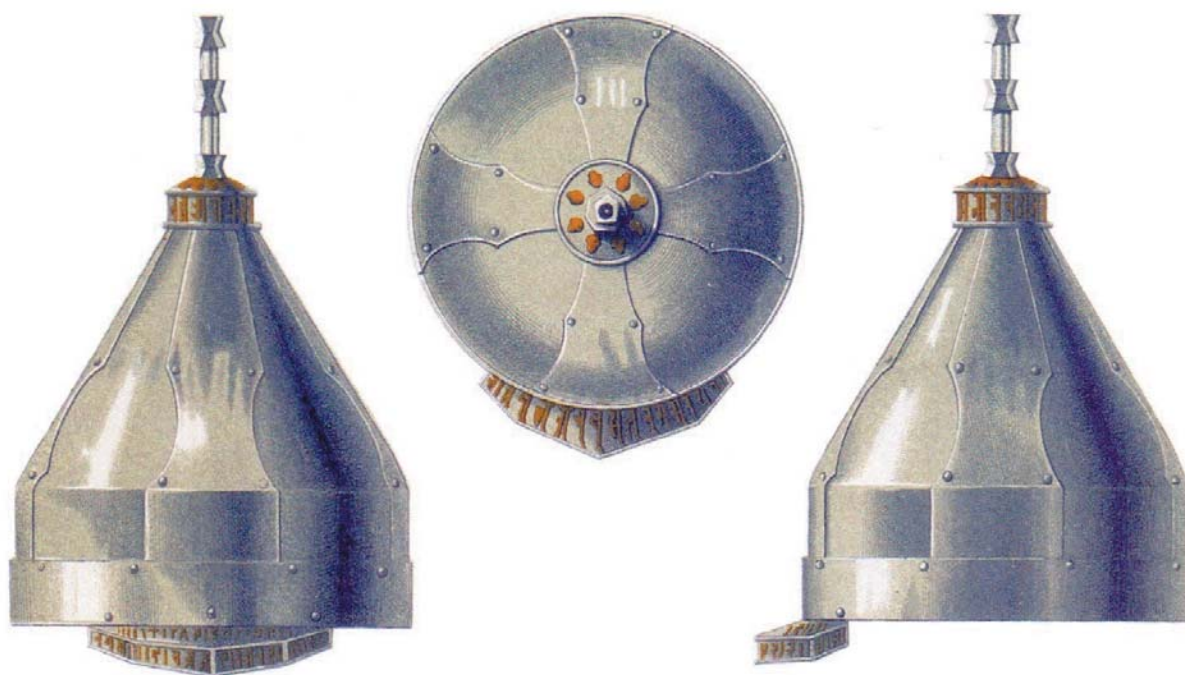

Рис. 1. Рисунок шлема, выполненный Ф.Г. Солнцевым для книги «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I», 1853 г.

Рис. 2. Шлем ОР-2058. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

Рис. 3. «Коробчатый» козырек шлема ОР-2058. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

Рис. 4. Навершие шлема ОР-2058.
Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

तज्ञावसामवचसतवसामवचय्याडइ

Рис. 5. Прорисовка надписи на подвешии шлема. Выполнена В.П. Зайцевым.

Рис. 6.1

Рис. 6.2

Рис. 6. Центральноазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени.

6.1. Шлем ОР-2058. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

6.2. Шлем 2001.162 из собрания Метрополитен-музея (г. Нью-Йорк, США). Фото Метрополитен-музея.